

Е. Хмельницкая

К вопросу о мирохозяйственных связях СССР

Характеристика принятого партией курса в отношении мирохозяйственных связей СССР, как курсов на „хозяйственную автаркию“, начинает становиться традиционной в нашей экономической литературе. Нет сомнения, такая характеристика связана с рядом, может быть не всегда ясно осознанных и формулированных оценок значения этого курса для судеб развития нашего хозяйства.

В самом деле, каков ряд представлений, связанных с тенденцией к хозяйственной автаркии в современной экономике? Как известно, тенденция к хозяйственному самодовлению (автаркии) начала проявляться в последнюю империалистическую эпоху на фоне бешеного роста мирохозяйственных связей. Она шла в разрез основному мотиву в современном капитализме — срастанию „народных хозяйств“ в единый мировой производственный организм. И в этой борьбе двух диаметрально противоположных тенденций как в капле воды отражается вся противоречивость мировой капиталистической системы. Если движущим импульсом в борьбе „национальных“ групп буржуазии является выход на мировую арену, за пределы государственных границ, то именно это стремление порождает попытки создать независимое и самодовлеющее народное хозяйство, наиболее оборонеспособное в современных условиях. Правда, стремления к замыканию империалистических „народных хозяйств“ находятся также под воздействием отдельных групп национальной буржуазии, непосредственно заинтересованной в поощрении отечественных отраслей хозяйства. Достаточно указать на давление немецких аграриев на таможенную политику, аргументированное именно патриотическими соображениями о необходимости создать устойчивое и независимое в случае войны сельское хозяйство. Однако, все же основной движущей пружиной тенденции к хозяйственному замыканию империалистических стран является стремление упрочить хозяйство на случай военных столкновений и блокады. Вместе с тем, автаркия здесь, по существу, играет роль средства для достижения цели противоположного характера — грядущего расширения мирохозяйственных связей и мирового господства, цели, вызывающей самые военные столкновения.¹

¹ „Когда в августе 1914 г. одно государство за другим было втянуто в войну, выяснилось почти повсюду, что хозяйственно-техническая подготовка к войне была недостаточна. Особенно ярко это обнаружилось в странах, у которых мирохозяйствен-

Уже самая природа этих автаркических устремлений империалистических стран со всей очевидностью показывает, что автаркия перекрещивается и перевешивается гораздо более могущественной линией роста и консолидации мирового хозяйственного единства. Одновременно здесь особенно отчетливо проявляется противоречие между мировым характером производства и национально-ограниченными рамками государственных надстроек, — одно из основных противоречий современного капитализма.

Автаркия может представляться и актом самозащиты более слабых звеньев империалистического мирового хозяйства против военного и хозяйственного напора противников. Так, продукты Версальского мира и балканизации Европы — многочисленные лимитрофные государства сплошь и рядом делают потуги создать подобие базы для хозяйственной независимости путем насаждения тяжелой индустрии и т. п. И в этом случае стремление к автаркии несомненно преодолевается гораздо более могущественной линией подчинения мировому хозяйству. Победа мирового хозяйства здесь базируется не только на слабости и ограниченности материальных предпосылок таких „второразрядных“ народных хозяйств.

Ибо единство мирового хозяйства дано не только в теснейшем сплетении производственного базиса современного капитализма, но и во всеобщем, универсальном характере господствующей в нем социальной формы. Как форма мирового господства капиталистических отношений, мировое хозяйство обуславливает темп и характер развития отдельных его частей („народных хозяйств“). Поэтому борьба за хозяйственную независимость таких стран — объектов империалистического господства по своей утопичности и безнадежности напоминает борьбу мелкого ремесленника против победоносного шествия крупного капитала.

Уже этих беглых замечаний о характере и границах тенденции к автаркии в современном мировом хозяйстве достаточно для того, чтобы судить о том, какие принципиальные отличия отделяют курс

ные связи были немедленно оборваны. Но и в тех странах, которые все время пользовались производительными силами мира, в течение ряда лет сказывались чувствительные пробелы военно-хозяйственной подготовки. Эти недостатки вызвали решение в будущем строить народнохозяйственное производство таким образом, чтобы в случае войны эта зависимость по возможности была сведена к минимуму“.

„Национальная хозяйственная политика в современном понимании напоминает хозяйственные представления средневековья: все, что может быть произведено, должно производиться в стране. Но это положение содержит все же противоречие, которое одновременно показывает границы выполнения этого тезиса, поскольку при этом молчаливо, но не менее серьезно добавляется: все, что может быть вывезено, должно вывозиться. К самой природе этой „национальной хозяйственной политики“ относится одновременное ограничение ввоза и поощрение вывоза, как жизненно-необходимые условия для нации. Поставленная задача таким образом превращается в квадратуру круга“ (В. Harms, „Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz“, стр. 280—283).

на хозяйственную независимость СССР от этой тенденции. Хозяйственная независимость Советского Союза, естественно, ни по природе, ни по задачам не имеет ничего общего с автаркическими устремлениями стран империалистического государства. Но она столь же глубоко отличается и от автаркических попыток стран, являющихся объектами мировой империалистической эксплуатации, ибо положение СССР в мировом хозяйстве принципиально отличается от мирохозяйственного положения любой капиталистической государственной единицы. СССР существует в мировом хозяйстве не на положении подчиненной части единого целого, а на положении самостоятельной и принципиально противоположной системы. Здесь имеет место не срастание, а борьба двух враждебных систем. Расширенное воспроизводство новых социалистических отношений противостоит мировой экспансии капиталистических отношений. Для капиталистического „народного хозяйства“, судьбы которого неразрывно связаны и обусловлены единством мирового хозяйства, автаркия представляется реакционным и утопическим устремлением. „Не хозяйственная автаркия, а усиление интернациональных отношений при одновременном „национальном“ сплочении и нарастании новых конфликтов на почве мировой конкуренции — такова дальнейшая эволюция“. ¹ Принципиальные качественные отличия курса на хозяйственную независимость СССР от этой линии в мировом хозяйстве настолько велики, что жонглирование термином „автаркия“ здесь связано с самыми поверхностными и некритическими аналогиями. К сожалению, некритическое злоупотребление терминами капиталистического хозяйства здесь не может быть оправдано одними лишь недостатками нашей экономической терминологии. Мы убедимся в этом, когда перейдем к рассмотрению следующей стороны проблемы хозяйственной независимости СССР.

Предварительно эта проблема может быть формулирована следующим образом. Представляет ли поставленная перед хозяйственным строительством СССР задача создания экономической независимости противоречия задаче максимально быстрого темпа развития производительных сил? В каких пределах эта коллизия может найти свое выражение?

Нельзя сказать, что эта проблема нашла себе сколько-нибудь отчетливую цифровую и принципиальную характеристику в нашей экономической литературе. Тем не менее, выводы еще неисследованной проблемы сплошь и рядом антиципируются во вполне определенном направлении. Достаточно указать на всю критическую литературу вокруг пятилетнего плана развития народного хозяйства. Мы позволим себе воспользоваться наиболее краткой и афористической формулировкой этой точки зрения, общей очень большому количеству критиков пути индустриализации, запечатленного в наших пер-

¹ Н. Бухарин, „Империализм и мировое хозяйство“, ГИЗ, 1924 г., стр. 145.

спективных планах и наметках. Оценка этого пути формулируется (примерно) как „поверхностная индустриальная экспансия, обусловленная господствующей у нас автаркической концепцией“. Ниже мы остановимся подробнее на этом положении. Сейчас отметим лишь, что даже весьма „ученая“ и сложная формулировка этого тезиса не оставляет никаких сомнений в его смысле. Более популярно та же мысль выражена другим автором, который глубоко убежден в том, что „стремление при нашей бедности капиталами, техническими силами и даже высококвалифицированными рабочими, развивать всякого рода производства, не считаясь с их стоимостью и рентабельностью, есть... совершенно ложное понимание принципа индустриализации. Индустриализация вовсе не должна сводиться к стремлению превратить страну в самодовлеющее целое или автаркию“. ¹

Далее следует категорическое утверждение о том, что „те условия международного разделения труда, о которых писал еще Адам Смит, продолжают существовать даже при условии различной политической и экономической структуры государства“. ²

Следует отметить, что автор действительно подошел к корню вопроса — к пониманию условий международного разделения труда. Мы позволим себе, однако, усумниться в надобности реставрации представлений времен Адама Смита (и Листа!) об естественных, самым богом установленных законах международного разделения труда. О каких „независящих от экономической структуры государств“ законах международного разделения труда идет речь? Разве то разделение труда, которое установилось между русским сельским хозяйством — поставщиком необработанного сырья, и мировыми потребителями его, является результатом каких-либо „естественных“ законов? Разве не в экономической структуре русского народного (и мирового) хозяйства заложены те причины, которые создали слабость металлопромышленности, односторонне зерновой, хищнический характер земледелия, отсутствие ряда отраслей, безусловно обладающих достаточной сырьевой базой в естественных богатствах страны?

„Наш довоенный экспорт зерновых хлебов, возрастая в общем в абсолютных размерах, обнаруживал при ближайшем рассмотрении целый ряд ненормальностей, вредных с точки зрения народнохозяйственных интересов России. Это, прежде всего, все усиливавшаяся зависимость его от Германии, диктовавшей нам свои условия, заставлявшей нас вывозить те виды хлебов, какие оказывались ей выгодными, а не те, которые, как, например, пшеница и рожь, было бы выгодно экспортировать нам самим. Далее, также в интересах Германии, мы экспортировали не муку, а зерно и, сверх того, вывозили в большом количестве отруби от русского помола. Германия сама, производя не более 3,6 млн. тонн ячменя, получала почти такое

¹ А. А. Дезен, „Долгосрочный кредит“. Финанс. Изд., М. 1928, стр. 71.

² Там же, стр. 72.

же количество из России и кормила свой скот русским ячменем и отрубями, тогда как у нас скотоводство уже давно находилось в состоянии неустойчивого равновесия и требовало для своего поддержания целого ряда специальных мероприятий".¹

Не меньшую роль играло давление таможенного тарифа, международной биржи и политики иностранного капитала в тяжелой индустрии для того разделения труда, которое установилось между русской индустрией и мировой (например, защита от ввоза сырья и грубых индустриальных изделий и фактическое поощрение ввоза тонких и сложных машин и оборудования).²

Суть вопроса как-раз и заключается в том, что условия международного разделения труда в современном мировом хозяйстве никак не могут быть оторваны от его экономической и политической структуры.

Конечно, географические условия влияют на международную конфигурацию отдельных отраслей производства. Все усилия к созданию хозяйственной автаркии не могут породить на территории Англии хлопковую базу для местной текстильной промышленности. Однако, то обстоятельство, что в Индии в результате ряда экономических процессов, обусловленных в значительной мере влиянием империалистической войны, намечается мощный расцвет текстильной промышленности на базе местного хлопка, ведь не связано с изменением природных и климатических условий. Место не позволяет нам умножить примеры радикального изменения физиономии и условий международного разделения труда для ряда колоний и областей молодого капитализма. В основе этих изменений несомненно лежит, прежде всего, ряд причин, обусловленных именно структурой современного мирового хозяйства.³

Разделение труда в мировой капиталистической системе складывается в процессе борьбы империалистических групп, в процессе экономического давления стран империалистического господства на области своей эксплуатации. При данных географических и природных условиях именно это соотношение сил определяет место народного

хозяйства в системе международного разделения труда. Для „народных хозяйств“, находящихся в положении объектов эксплуатации, данное положение в системе международного разделения труда оплачивается ценой извлечения весьма значительных долей прибавочного продукта. Достаточно сослаться хотя бы на общеизвестный пример Англии, накапливающей за счет своих колоний и доминионов именно на основе сложившихся в Британской империи условий разделения труда. Длинная цепь таможенных договоров и вся история экономической политики царской России также достаточно ярко показывает значение воздействия мирового хозяйства на экономическую структуру страны, а следовательно, и на условия международного разделения труда для нее.

Вряд ли можно сомневаться в том, что это деление мирового хозяйства сказывалось бы еще сильнее при условии, если бы колесо истории повернуло вспять и реставрировались бы „нормальные“ (для капитализма) взаимоотношения между Россией и мировым хозяйством.

Трезвый представитель национальных буржуазных интересов, проф. Гриневецкий, в своих гипотезах восстановления русского народного хозяйства достаточно отчетливо формулирует эту перспективу перехода на положение экономически поработанной и эксплуатируемой страны. При условии „открытых дверей“, совершенно неизбежном в обстановке капиталистической реставрации России, перспективы развития производства внутри страны строятся им на основе значительнейшего сокращения металлопромышленности, текстиля, всех отраслей („разные“) более сложного производства, перехода лишь на наиболее грубые и малоценные производства, не представляющие интереса для иностранного капитала.¹ В известном произведении Моультона и Пазвольского² столь же ярко продемонстрирована цена, которую пришлось бы уплатить нашему народному хозяйству за возможность „максимального использования выгод международного разделения труда“.

Таким образом, сравнивать выгоды от использования мирохозяйственных связей с последствиями курса на хозяйственную неза-

¹ Н. Огановский, „Народное хозяйство СССР в связи с мировым“. Изд. Центросоюза. М. 1925 г., стр. 59.

² См. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности“, а также многочисленные данные в сборниках „Материалов к пересмотру русско-германского торгового договора“.

³ На необходимость коренного пересмотра этих старых представлений указывает в последнее время проф. Гармс: „Во всяком случае международное разделение труда все меньше и меньше соответствует тому ходячему представлению, которое сложилось о нем. Лучше всего было бы вообще отбросить эти старые понятия и выработать новую, соответствующую действительности терминологию на основе изучения тенденций развития международной специализации производства“ (В. Гармс „Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz“. Jena, Verl. Gustav Fischer, 1927, стр. 289).

¹ Он говорит: „В будущем иностранный капитал может найти весьма выгодное для себя приложение в эксплуатации таких отраслей хозяйства (разработка естественных богатств. Е. Х.), обставив себя зато рядом преимуществ и концессионных прав. Если в прошлом можно было рассчитывать на сравнительно подчиненное положение иностранного капитала и на значительную роль государства, то в будущем, при политическом и экономическом ослаблении государства, придется примириться с господствующим положением иностранного капитала“. „Кровные интересы нашей промышленности, нашего рабочего класса и нашего социально-экономического развития будут обеспечиваться не нашей политической мощью, а лишь той или другой заинтересованностью в нашей судьбе других борющихся держав“ (цит. соч. стр. 72, 74).

² Л. Пазвольский и Г. Моультон, „Русские долги и восстановление России“. Фин. издат. НКФ, М. 1925 г. См. также статью тов. Виноградского в № 12 „План. Хоз.“ за 1927 г.

висимость можно не „вообще“, а лишь при учете данной экономической и социальной структуры мирового хозяйства. Несомненно, по отношению к тем возможностям хозяйственного роста, которые представятся в условиях победы социалистической системы отношений в мировой сфере, отказ от курса на максимальное расширение мировых связей связан с известными ограничениями темпа роста. Это столь же бесспорно и очевидно, как и факт неизбежного отвлечения известной доли наших экономических ресурсов для целей обороны страны. Но поскольку речь идет о развитии СССР в обстановке капиталистического окружения, постольку возможности использования международной специализации производства могут рассматриваться лишь в свете всей той суммы глубочайших противоречий, которые присущи природе мирового капиталистического хозяйства. Выпячивать на передний план прогрессивную сторону мирохозяйственных связей и затушевывать эту оборотную сторону медали можно лишь ценою самой откровенной апологетики капитализма. Такой апологетический привкус, несомненно, чувствуется и во многих популярных ныне рассуждениях о вреде курса на „хозяйственное замыкание“ СССР.

Возможны ли, однако, временные и частичные коллизии между задачей создания хозяйственной независимости СССР и задачей ускорения темпа нашего экономического развития? Конечно, такие возможности, особенно в начальном отрезке периода реконструкции нашего хозяйства, не исключены. Сложившееся ныне разделение труда между СССР и мировым окружением в основном является функцией не столько географических условий, сколько исторической отсталости нашего хозяйства. Эта отсталость находит, в частности, выражение в разрыве цен внутреннего и мирового рынка. В этих условиях закупка ряда средств производства за границей может быть связана с относительно меньшими затратами, нежели производство их внутри страны. Этим самым уже дана возможность таких частичных противоречий. Вопрос заключается в методах их разрешения. Если считать, что нынешние соотношения производства внутри страны и на мировом рынке даны „естественными законами международного разделения труда“, их же не преjdeши, решение может быть, конечно, лишь в пользу курса на систематический и все расширяющийся ввоз недостающих средств производства из-за границы. Иными словами, вопрос сводится к принципиальной установке по отношению к курсу на хозяйственную независимость в целом. С точки зрения той оценки проблемы, которую мы пытались наметить выше, такое решение коллизии вовсе не представляется обязательным. Дело хозяйственной целесообразности на основе конкретного подсчета решить вопрос о порядке очередности, в которой следует осуществлять линию на создание отраслей, производящих средства производства внутри страны, и на эмансипацию от ввоза из-за границы. Конечно, не „всякий рубль, затра-

ченный на покупку тех или иных товаров за границей“¹ у нас может считаться потерянным. Но отвлекаясь от такого нарочито утрированного изображения дела, следует признать, что всякий вывезенный за границу рубль, который мог бы быть более эффективно (с точки зрения задачи хозяйственной независимости) потрачен на создание и расширение данной отрасли производства внутри страны, является потерянным. Повторяем, здесь в каждом конкретном случае должен быть точный хозяйственный подсчет. Но общим критерием этого конкретного подсчета может служить не идеализация выгод международного разделения труда, а лишь общая задача создания хозяйственной независимости страны.

Можно ли этому критерию противопоставлять другой, выдвигаемый тов. Базаровым принцип массовости производства? В качестве вывода из этой руководящей идеи В. А. Базаров выдвигает следующее положение:

„Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам“ („План. Хоз.“ № 2, 1928 г. стр. 48).

Приведенное положение весьма ярко показывает, на наш взгляд, что поставленная В. А. Базаровым проблема индустриальной экспансии шире вопроса об очередности реконструктивных работ. Критерий массовости здесь отчасти противопоставляется критерию создания хозяйственной независимости страны. Ниже мы еще вернемся к самому содержанию этого критерия. Сейчас лишь отметим, что В. А. Базаров допускает отклонения от этого критерия рациональной реконструкции в пользу узкой группы кадровых предприятий. Необходимая обороноспособность никак не может быть удовлетворена в настоящее время даже довольно широкой группой „кадровых“ оборонных предприятий. При современном характере вооруженных сил и военных столкновений нет, в сущности, ни одной, сколько-нибудь существенной (за исключением разве специфических производств предметов роскоши) отрасли народного хозяйства, лишенной оборонного значения. Это показывает и опыт капиталистических стран, форсирующих такие, казалось бы, далекие от продукции специально военного назначения отрасли, как кожевенная промышленность, точное машиностроение (в Англии) и т. д.

Вот почему эта оговорка не защищает тезис В. А. Базарова от упрека в противопоставлении его задаче создания хозяйственной независимости страны.

Поскольку принцип массовости должен зачастую отступать перед этим вероятным принципом, еще раз обнаруживается возможность частичных противоречий задаче максимального темпа хозяйственного роста.

¹ А. Дезен. Цит. соч., стр. 17.

Таким образом, частичные и временные коллизии целиком укладываются в рамки уже решенного спора о сочетании задач развития производительных сил страны с задачами строительства обобществленных форм производства („Спор о примате производительных сил“). Решение это для марксиста очевидно в том смысле, что между этими двумя сторонами проблемы экономического строительства нет и не может быть сколько-нибудь длительных противоречий, ибо лишь социалистическая форма производства может обеспечить действительно максимально благоприятные условия для развития производительных сил. Точно также и в рассматриваемой нами проблеме временный и частичный эффект от максимального использования международного разделения труда можно считать перевешивающим результаты противоречивости современной мировой хозяйственной системы лишь при условии явно апологетического приукрашивания капиталистической действительности. Таково действительное соотношение между линией на экономическую независимость СССР и проблемой темпа хозяйственного развития.

Проблема создания хозяйственной независимости страны должна быть рассмотрена также с точки зрения условий равновесия нашей экономической системы. Очевидно, в этой связи необходимо поставить вопрос о типе нашего индустриального развития, ибо различные типы индустриализации создают разные условия для поддержания равновесия в производственной системе народного хозяйства. Индустриализация может иметь своим центральным пунктом развитие отраслей, перерабатывающих сырье, и в этом случае баланс производства должен выравняться за счет широкого ввоза средств производства извне (индустриализация Индии). Другой тип равновесия в производстве представляет индустриализация, базирующаяся на переработке сырья, получаемого на мировом рынке. Этот тип характерен для индустриального развития таких стран, как Германия и Англия. Наконец, типы индустриализации могут различаться по роли и удельному весу решающих отраслей в народном хозяйстве. Именно на этой стороне вопроса мы и остановимся здесь, в связи с приведенным выше положением о поверхностном характере нашей индустриальной экспансии, вытекающем из господства автаркической концепции. В самом деле, „поверхностной индустриализации“ может быть противопоставлен другой тип индустриального развития, который аналогичен так называемому монокультурному направлению хозяйства. Аналогия здесь не совсем полная, поскольку представление о монокультурном типе хозяйственного развития обычно связывается с чисто аграрными, колониальными дополнениями в мировом хозяйстве. Более удачным нам представляется принятое в настоящее время в немецкой литературе определение — „Schlüssel und Angelgewerbe“. ¹ Эти термины, с трудом поддающиеся точному пе-

¹ См. монографию Кильского института мирового хозяйства: Н. Mühlig—Hoffmann, „Die Angelerzeugung. Untersuchung eines Strukturtypus der Volkswirtschaft“.

ревов, могут быть описательно разъяснены следующим образом. Существуют типы народного хозяйства, в которых вся хозяйственная жизнь определяется одной или немногими отраслями производства. Самый термин „Angel“ указывает на роль таких решающих отраслей в народном хозяйстве: она напоминает роль оси, вокруг которой вращаются все прочие части данного хозяйственного целого. Образчики такого типа хозяйственного развития (конечно, не в чистом виде) можно найти в ряде стран молодого капитализма, лишь недавно ставших на путь индустриализации (Аргентина, Австралия, Чили). Совершенно понятно, что отрасли производства, играющие такую роль оси, центра в народном хозяйстве указанного типа, должны максимально ориентироваться на экспорт. Лишь экспорт, как база широкого обмена с мировым рынком, может обеспечить минимальные условия равновесия подобной хозяйственной системы. Точно так же ясно, что неблагоприятный итог производства (или реализации) таких „осевых“, центральных отраслей народного хозяйства должен служить очагом глубочайших кризисных потрясений в нем. Несмотря на то, что подобный „углубленный“, не поверхностный тип развития народного хозяйства целиком базируется на широчайшем использовании международного разделения труда, он неизбежно связан с перманентными угрозами нарушения хозяйственного равновесия. Как мы уже отмечали выше, подобное „осевое“ расположение производства в народном хозяйстве далеко не всегда обусловлено непреодолимыми географическими условиями. ¹ Элементарнейшее знакомство с экономико-географическими условиями и естественными ресурсами нашего народного хозяйства не оставляет никаких сомнений в том, что и для нас подобный тип хозяйственного развития вовсе не является естественно обусловленным. В смысле соотношения основных отраслей производства в наших условиях безусловно имеются все данные для развития как раз противоположного, интегрального типа народного хозяйства. И наоборот, подобный односторонний тип развития у нас мог бы сложиться, если бы давление мирового хозяйства преодолело силы сопротивления нашей страны, и развитие обуславливалось бы интересами крупнейших империалистических группировок. Гипотезы Гриневецкого, упомянутые выше, достаточно показательны в этом отношении. Поэтому не рутинно „автаркической концепции“, а интересы устойчивого и экономически самостоятельного народного хозяйства требуют отказа от такого „углубленного“ пути развития.

Индустриальная экспансия в наших условиях скорее связана со вторым из упомянутых выше направлений — с развитием так называемых „ключевых отраслей“. Содержание этого понятия сводится вкратце к следующему. По многочисленным причинам историко-

¹ „Представление, что все современные области осевого производства самой природой навели на такое положение, нуждается в основательном пересмотре“ (В. Н а r m s, „Strukturwandelungen der Weltwirtschaft“, стр. 293).

экономического характера, промышленная система в народном хозяйстве может сложиться таким образом, что отдельные стадии производства либо целиком отсутствуют и восполняются заграничным ввозом готовых изделий, либо связаны с получением полуфабрикатов и материалов извне. Таким образом, эти отсутствующие или слабо развитые отрасли производства по своему положению напоминают роль ключа к двери, которую он открывает. Самый термин здесь, очевидно, основан на этой аналогии. Для западной индустрии характерен пример текстильной и красочной промышленности Англии. До войны ценность ввозимых (главным образом, из Германии) красителей равнялась почти точно одному проценту ценности продукции, потребляющей эти красители текстильной промышленности. При этом речь идет об отраслях производства, находящихся в минимуме не вследствие непреодолимых географических условий, а лишь вследствие исторически обусловленной отсталости. Таким образом, ввоз сырья для нашей резиновой промышленности, напр., не относится к рассматриваемому нами случаю. Зато сюда могут быть отнесены ряд отраслей химической промышленности, точное машиностроение, определенные сорта полуфабрикатов кожевенной промышленности (тяжелые кожи) и т. д. Мы бы сказали, что в наших условиях, в отличие от западной промышленности, область таких¹ „ключевых“, находящихся в относительном минимуме, отраслей расширяется и переходит в так называемую проблему „узких мест“ в нашей индустрии. Эти „узкие места“, представляющие частные функции нашей общей технической отсталости, в то же время могут служить причиной серьезных нарушений равновесия в народном хозяйстве. Для процесса индустриального развития капиталистического Запада в настоящее время характерно стремление эти „узкие места“ по возможности заполнить, зачастую даже вопреки стихийному давлению условий рентабельности. На этот путь становятся и страны молодого капитализма, так, например, Аргентина стремится не только наладить собственную переработку кожевенного сырья, но и производство необходимых материалов для этого, которые раньше ввозились из Европы. Австралия пытается направить развитие химической промышленности таким образом, чтобы иметь возможность использования своих запасов руды. Примеры легко можно было бы умножить. В мировом хозяйстве этот процесс, естественно, встречает противодействующие тенденции в виде углубления и качественного улучшения затронутых им производств в странах старого индустриального развития.

В том толковании проблемы индустриальной экспансии, которое дается В. А. Базаровым, развитие таких „ключевых“ [отраслей

¹ На Западе к таким отраслям относятся относительно небольшие по объему, но существенные, производства. Речь идет об относительно малых отраслях производства готовых фабрикатов, от которых зависят более крупные отрасли индустрии и которых нет в стране, несмотря на то, что имеются данные для их развития“ (H a r m c, „Strukturwandlungen der Weltwirtschaft“, стр. 293).

в значительной мере оказывается противоречащим принципу массовости, как основному критерию реконструкции. Ведь с самым понятием „ключевой“ отрасли связан относительно небольшой объем ее. Если бы речь шла об отраслях, не имеющих существенного значения для равновесия нашего производственного организма, то отрицательный признак — „отсутствие достаточно широкой базы внутри СССР“, — само собой разумеется, был бы налицо, и тем самым, их судьба была бы предрешена! Но в случае, рассматриваемом нами, база внутри СССР является достаточно широкой уже хотя бы потому, что без пропорционального развития таких „узких мест“ в народном хозяйстве немыслимо устойчивое развитие отраслей, „потребность в которых уже носит достаточно массовый характер“.

Таким образом, с точки зрения устойчивости народного хозяйственного организма создание отдельных отраслей, может быть и несоответствующих западно-европейским представлениям об оптимальных размерах и массовости производства, является совершенно неизбежным. И это относится не только к узкому кругу специфически оборонной индустрии, но и к целому ряду отраслей, играющих роль „ключей“ в системе построения гармоничного и независимого народного хозяйства.

Во всяком случае, если с этой точки зрения конкретно рассмотреть задачи индустриализации по отдельным отраслям нашего народного хозяйства, то совершенно очевидно будет их значение для создания условий равновесия и устойчивости. Поскольку задача построения такого устойчивого материального базиса производства неразрывно связана с курсом на экономическую независимость, упрек в поверхностном характере нашей индустриализации отпадает. Если же этот упрек относится не к стремлению заполнить бреши и узкие места, а к установке на развитие решающих, опорных пунктов индустриализации (металл, машиностроение, электрификация), то речь идет уже не о типе индустриализации, а о самом ее содержании. В таком случае это возражение можно рассматривать лишь как своего рода „дымовую завесу“ для атак, направленных на существо нашей современной экономической политики.

Как уже отмечалось выше, и содержание и направление строительства экономически независимой базы хозяйства основано на решительном противопоставлении экономической структуры нашего хозяйства структуре капиталистического мира. Если считать, что факт нашего существования в капиталистическом окружении неизбежно связан со включением в сферу действия законов мирового хозяйства, то и ответ на все постановленные проблемы должен быть иным. Однако, чрезвычайно сложный вопрос о том, в какой мере законы мирового капитализма воздействуют на наше хозяйство, выходит за рамки настоящих заметок.